

Разум против чувства: избранные книги о практиках нацизма и сопротивления ему

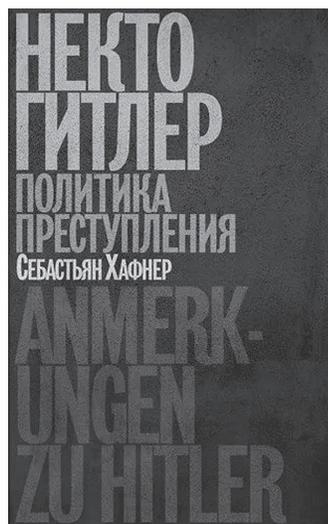
В 159-м номере «НЗ» рискнул пойти на эксперимент со структурой этого тематического блока. Подборка материалов, посвященных истории и нынешним формам фашизма, а также некоторым чертам его идеологии, открывается переводом отрывка из британской книги 1934 года, продолжается современным исследованием фашизма, далее следует серия «горячих» откликов еврейских газет (на идише) на первые дни пребывания Гитлера у власти в Германии. Эти три материала задают основные интеллектуальные сюжеты подборки, а продолжают и развивают их рецензии на вышедшие на русском книги, освещающие разные аспекты данной темы. Это дневники, публицистика и сборник радиообращений к согражданам знаменитого немецкого писателя-эмигранта. Получилось что-то вроде форума, в котором разные голоса обсуждают – из разных перспектив – один и тот же круг тем. Именно поэтому эти рецензии перенесены из соответствующего раздела журнала сюда, в тематический блок. Надеемся, что данный эксперимент удался. [«НЗ»]

Некто Гитлер: политика преступления

СЕБАСТЬЯН ХАФНЕР

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. – 320 с. – 3000 экз.

Адольф Гитлер покончил с собой 30 апреля 1945 года. До этого он был несколько раз близок к тому, чтобы свести счеты с жизнью, ближе всего – после провала мюнхенского «пивного путча» в ноябре 1923-го. Как утверждает Себастьян Хафнер в публицистической биографии под названием «Примечания к Гитлеру» (в русском переводе книга вышла под названием «Некто Гитлер»), личная жизнь диктатора «была слишком пуста, чтобы в несчастье быть для него чем-то, что следует сохранить; а его политическая жизнь с самого начала была нацелена на “все или ничего”» (с. 70). В тот день беременная жена его приятеля Эрнста Ганфштенгля помешала самоубийству, выбив револьвер из рук Гитлера. Если бы она этого не сделала,

073

ПОЧЕМУ ФАШИЗМ?

мировая история могла бы пойти по другому пути. Сегодня эта мысль кажется невероятной.

Настоящее имя автора книги – Раймунд Претцель (1907–1999). Берлинский немец из интеллигентной семьи, после школы он стал юристом, работал в Верховном апелляционном суде Пруссии, уволился с государственной службы в знак протеста против бойкота евреев. Женится на еврейке. В 1938 году эмигрировал в Англию. Стал публицистом, девятнадцать лет работал в газете «Observer», писал книги по современной истории. В 1954-м вернулся в Германию, работал в авторитетных немецких изданиях, вел свою телепрограмму. В 1978-м Хафнер написал свои «Примечания к Гитлеру». Русский издатель называет их аналитическим комментарием к его же ранней книге «История одного немца» (1939)¹, которая была написана в самом начале эмиграции, но вышла уже после смерти автора, в 2000 году. «История одного немца» – это очень честный и очень личный рассказ о том, как и почему цивилизованная нация немцев «с овечьей покорностью» сдала себя под власть Гитлера и его диктатуры и как повел себя в этих условиях отдельный человек – автор книги.

Переводчик и комментатор обеих книг Никита Елисеев рекомендует издавать и читать их вместе: они настолько же дополняют друг друга, насколько и антитетичны. Для Елисеева эта антитеза состоит в том, что «История одного немца» – это толстовская книга, а «Некто Гитлер» – книга из мира Достоевского. По мнению комментатора, изложенному в предисловии, главный герой «Истории одного немца» – это герой Толстого, условный Болконский, Безухов, Левин или Нехлюдов – рефлексирующий человек, стремящийся жить по правде, совести и чести. Главный герой книги «Некто Гитлер» – это «человек страсти и безумных, бредовых идей; человек жуткой, но веры» (с. 18), аналог Смердякова или Верховенского.

Противоположно в этих книгах и отношение к истории. В первой из них история объективистски рассматривается как интеграл миллионов личных волей, и тогда роль больших исторических личностей состоит в том, чтобы оседлать волну истории. То же Толстой писал в «Войне и мире» о полководце Кутузове, о его умении видеть и понимать неизбежный ход событий и отречься от своей личной воли. Во второй книге подход совершенно другой: здесь Хафнер отказывается преуменьшать роль «личного элемента» в политике и личности в истории. Он пишет, что без Гитлера Вторая мировая война если бы и началась, то была бы совсем другой. «Сегодняшний мир, нравится вам или нет, – результат деятельности Гитлера» (с. 169).

1 ХАФНЕР С. *История одного немца: частный человек против тысячелетнего рейха*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018.

Хафнер предупреждает читателя о своей сдержанности в моральных оценках Гитлера, намереваясь оставаться в рамках исторического исследования, хотя авторский публицистический стиль все-таки невозможно изъять из этого повествования. Автор осознанно преодолевает «искушение недооценить Гитлера, у которого было полно мелких и смехотворных черт» (с. 94). Одна из глав называется «Достижения». Хафнер трактует их двояко. С одной стороны, это нечто условно созидательное, как, например, «экономическое чудо», включающее ликвидацию колоссальной безработицы, или «военное чудо» – ремилитаризация и вооружение вермахта, создание танковых армий. Благодаря этим «чудесам» Гитлер к началу войны привлек на свою сторону большинство из тех людей, которые голосовали против него в 1933 году, когда его партия добилась успеха на выборах. Эти немцы рассуждали так (и впоследствии им было за это стыдно):

«Можно ли продолжать сбрасывать Гитлера со счетов, не учитывая всего, чего он достиг? И что такое рядом с достижениями Гитлера его неприятные черты, его преступления? Не более чем небольшие недостатки личности, пятнышки и бородавки» (с. 84).

С другой стороны, к личным «достижениям» Гитлера (по смыслу это слово должно быть в кавычках) автор относит и вещи деструктивные: разрушение правового государства и уничтожение конституционных гарантий, создание взамен этого «всемирной общности», которую Хафнер называет «социалистической стороной гитлеровского национал-социализма», и, в конечном счете, решение начать войну. Все это было подчинено двум целям, вытекающим из расовой теории гитлеризма: установлению господства «рейха» над Европой и физическому уничтожению евреев. Фундамент мировоззрения Гитлера – это соединение великогерманского национализма и антисемитизма. Хафнер на нескольких страницах излагает теорию Гитлера, и для этого ему потребовалось не так много места, поскольку она предельно редуционистская, но, видимо, благодаря именно этому упрощенчеству Гитлеру с помощью гипнотических речей удалось сбить с толку целую нацию.

Фюрер был харизматиком, но он никогда не был глубоким человеком. Хафнер называет его жизнь бессодержательной: он не состоял в браке (на Еве Браун он женился за день до самоубийства), был бездетен, боялся любви и интимности, не имел близких друзей, не имел систематического образования и настоящей профессии, оставаясь недоучкой, и лишь фронт Первой мировой стал для него наиболее существенным опытом. Его характер рано застыл в своем развитии. Беспощадный и мстительный, он был неспособен к самокритике, утверждал

свою историческую незаменимость и стал объектом культа собственной личности. Политика в то время заменяла жизнь многим людям, пишет автор, «но Гитлеру она заменила жизнь полностью» (с. 50). В этом смысле он был женат на Германии.

Хафнер особо подчеркивает одну особенность Гитлера как человека и политика: он подчинил свои планы сроку своей земной жизни. Своих целей он хотел добиться при жизни, ничего не оставляя на потом, поскольку верил в свою незаменимость. «Он отказывался думать о том, что будет после его смерти, и совершенно об этом не заботился. Все должно было совершиться при нем и через него» (с. 66). Это, в частности, означало, что «великая война за жизненное пространство Германии, которую Гитлер готовил, обязательно должна случиться при его жизни, чтобы он сам мог вести эту великую войну» (с. 66). Он сетовал, что хотел начать войну раньше, еще в 1938 году, но англичане и французы в Мюнхене согласились со всеми его требованиями, из-за чего пришлось отсрочить войну на год.

Фюрер был харизматиком, но он никогда не был глубоким человеком. Его характер рано застыл в своем развитии. Беспощадный и мстительный, он был неспособен к самокритике, утверждал свою историческую незаменимость и стал объектом культа собственной личности.

В декабре 1941 года, когда вермахту не удалось взять Москву и советские войска начали контрнаступление, Гитлер понял, что цель мирового господства недостижима, и сосредоточился на второй цели – на истреблении евреев и других «неарийских» народов. С этого времени, пишет автор, Гитлер больше не занимался политикой, потому что занимался уголовщиной:

«Гитлер уничтожил неисчислимое количество ни в чем не повинных людей, без какой-либо военной или политической необходимости, а просто ради личного удовлетворения... Гитлер поставил убийства на конвейер. Его жертвы исчисляются не десятками, не сотнями, но миллионами людей. Он был не просто серийный убийца, но массовый серийный убийца» (с. 202).

Массовые убийства были начаты во время войны, но не были связаны с военными действиями, подчеркивает Хафнер, скорее Гитлер использовал войну как повод для массовых убийств. Они были для него самоцелью, а не способом достижения победы, утверждает автор. На этом основании Хафнер называет Нюрнбергский процесс – при всей его важности и непреходя-

щем международном значении – «неудачным мероприятием». По его мнению, Нюрнберг создал путаницу вследствие расплывчатой юридической классификации преступлений. Трибунал не отделил чисто военные преступления от массовых убийств как цивилизационной катастрофы. Судили военных преступников, и главным пунктом обвинения стали преступления против мира, то есть сама война, и военные преступления как нарушение законов и обычаев войны. Но такие нарушения так или иначе допускали все воюющие стороны. «Поэтому можно было запросто сказать, что в Нюрнберге виновные судили виновных и обвиняемые были приговорены к смерти за то, что проиграли войну» (с. 206), – так автор излагает мысль, которую в 1946 году высказал английский фельдмаршал Бернард Лоу Монтгомери. Указывая на противоречие в обвинении, Хафнер пишет: «Ведь если сама война обозначена как преступление, то ее законы и обычаи оказываются частью преступления» (с. 212), тогда как массовые убийства по приказу Гитлера были не военными, а уголовными преступлениями.

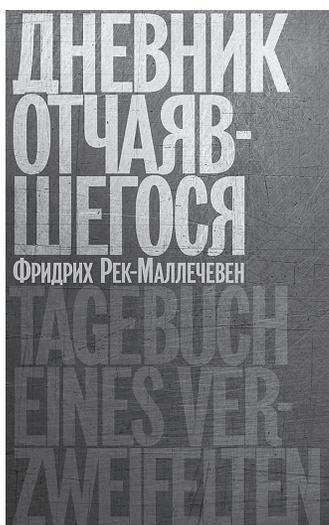
Гитлер истреблял не только евреев, цыган и славян. Прогрывая войну, он был готов истребить и немцев, отдав в марте 1945 года два приказа: очистить от населения территории страны, находящиеся под угрозой захвата, то есть согнать со своих мест сотни тысяч людей, а также уничтожить все материальные ценности, которые могут попасть в руки противника. Гитлер имел для этого идейное обоснование: проиграв, немцы выказали себя слабым народом, поэтому будущее принадлежит не им, а более сильному народу с Востока. Все немцы, говорит он, кто выживет после такой борьбы, «неполноценны, потому что лучшие погибли» (с. 247).

Как пишет Хафнер, немцы интересовали Гитлера только как инструмент власти, но, получив полную власть, он утратил адекватность восприятия мира – другими словами, жил в каком-то своем мире. Не был он, как утверждает автор, и государственным, потому что пожертвовал немецкой государственностью во имя мобилизации народа и собственной несменяемости. «В конечной стадии своего политического пути немецкий ультранационалист Гитлер стал предателем Германии» (с. 234).

Завершая книгу, Себастьян Хафнер говорит, что немецкая история не кончилась вместе с Гитлером. Процесс денацификации сделал невозможным успех политика, который рискнул бы поднять фюрера на предвыборный щит. Но и делать вид, что в истории страны не было такого Гитлера, – это ошибка, считает он, ибо тот, кто так поступает, сам того не ведая, исполняет последнюю волю тирана.

СЕРГЕЙ ГОГИН

Дневник отчаявшегося

Фридрих Рек-Маллечевен

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. – 320 с. – 3000 экз.

Гитлер в юности хотел стать художником, но провалил вступительные экзамены в Венскую академию изобразительных искусств, хотя потом в течение пяти лет продавал свои открытки и акварели через магазин еврейского (!) торговца. Этот униительный провал мог послужить толчком к развитию у Гитлера одержимости, а его дальнейшая политическая карьера могла стать формой гиперкомпенсации для человека, считавшего себя непризнанным гением. Если допустить, что у любой войны всегда есть субъективная причина – в этой роли выступает некто, отдающий приказ двинуть войска через границу, – то, наверное, можно согласиться и с гипотезой Фридриха Рек-Маллечевена из его «Дневника отчаявшегося»:

«Если бы немецкое правительство создало мастерскую этому монстру, оплатило бы прессу, которая прославила его как величайшего художника всех времен и народов, своевременно удовлетворив таким образом его чрезмерное тщеславие, полагаю, его направили бы на вполне безопасный путь и он никогда бы не подумал поджечь мир» (с. 38).

Фридрих Рек-Маллечевен (1884–1945) – немецкий аристократ, врач, путешественник, журналист и писатель, автор популярных романов, а в годы германского «рейха» – «внутренний эмигрант», враждебно настроенный по отношению к Гитлеру и диктатуре нацизма. Он был арестован по доносу издательства в конце 1944 года за оппозиционные высказывания и в 1945-м погиб в концлагере Дахау. Свои дневники он тайно вел с 1936-го по 1944 год, несмотря на постоянную угрозу доноса, потому что верил, что его записи «однажды внесут свою лепту в историю нацизма» (с. 61). Дневники сохранились и стали важным человеческим документом.

Рек-Маллечевен не эмигрировал из Германии ни перед войной, ни после ее начала, хотя не питал никаких иллюзий по поводу нацизма и знал, что тот толкает страну к катастрофе, что приближающаяся Вторая мировая война приведет к гибели множества людей. Благодаря знанию ли жизни, логики истории или навязчивому предчувствию, он в 1937 году предрекал, что немецкая проблема скоро станет проблемой общеевропейской. Почему не уехал? О причинах можно только догадываться. Он был истинным аристократом, и его аристократическое презрение к нацизму, вероятно, удержало его от бегства, не позволило выказать страх перед необразованными нацистскими хамами и плебеями. В конце концов, он просто любил свою

Германию, еще точнее, свою Баварию: «Я – немец, эту страну, в которой я живу, я принимаю всем своим сердцем. Стоит вытащить меня со всеми корнями из этой земли, и я засохну» (с. 87). Не будет ошибкой назвать Рек-Маллечевена патриотом Германии, но только не той «карикатуры на Германию, которую разыгрывает сорвавшаяся с цепи злая обезьяна» (с. 88).

Это был патриотизм критического свойства, любовь с открытыми глазами, поэтому автор дневника знал, что «нужно ненавидеть эту Германию всем сердцем, если ее действительно любишь» (там же). В своем тайном дневнике он шлет проклятия нацистам, которые поработили землю и сломали просвещенный дух его страны. Удел такого рода несогласных – «смертельное одиночество» и «наполненный страданиями воздух катакомб» (с. 62). Из своей катакомбной оппозиции Рек-Маллечевен пишет, обращаясь к тем, кто уехал:

«Поймете ли вы, что значит жить столько лет с ненавистью в сердце, ложиться с ненавистью, видеть ненависть во сне и просыпаться с ненавистью утром, – и все это в годы негарантированности ваших прав, без малейшего компромисса, без единого “хайль Гитлер”, без обязательного посещения собрания и с клеймом нелегальности на лбу?» (там же).

Осознавая и фиксируя специфический разрыв между теми, кто уехал и кто остался, Рек-Маллечевен предвидит, что этот разрыв может принять цивилизационный характер, и поэтому риторически вопрошает: а сможем ли мы говорить на одном языке с вами, которые потом вернутся?

Рек-Маллечевен – баварец, аристократ, консерватор, католик, и с позиций каждой из этих своих идентичностей автор рассуждает о происхождении германского национал-социализма и его последствиях для мира. Эти, местами спорные, мировоззренческие позиции автора комментирует в своем послесловии санкт-петербургский критик, публицист, писатель и переводчик Никита Елисеев (именно он блестяще перевел две книги немецкого журналиста Себастьяна Хафнера, «История одного немца» и «Некто Гитлер»). В частности, будучи баварцем до мозга костей, Рек-Маллечевен ненавидел Пруссию, пруссачество и ту объединенную пруссаками Германию, которую они превратили в «агрессивный, вооруженный до зубов рейх» (с. 304), причем нацизм автор считает продолжением этого злобного пруссачества, «искажившего облик германского народа» (с. 305). Для аристократа Рек-Маллечевена фашизм – это взбунтовавшийся плебс из подворотни, который вообразил себя элитой. Для консерватора Рек-Маллечевена нацисты – «наследники кроважанных якобинцев; безжалостные модернизаторы, работающие на пользу крупнейших капита-

листических корпораций» (с. 313). Как сознательный католик, он не принимает национализм ни в каком виде и верит в победу добра над злом, не отождествляя ее при этом с прогрессом технологий.

Осознавая и фиксируя разрыв между теми, кто уехал и кто остался, Рек-Маллечевен предвидит, что этот разрыв может принять цивилизационный характер, и поэтому риторически вопрошает: а сможем ли мы говорить на одном языке с вами, которые потом вернутся?

Когда Рек-Маллечевена пишет о Гитлере, его письмо становится эмоциональным, пронизанным пафосом ненависти, а его определения – уничижительными: «ротный придурок», «жалкое пугало», «экскрементальная личность» в руководящем кресле, «пигмей», вершащий судьбы Германии, «опьяненный властью шизофреник». Чтобы объяснить себе и потенциальному читателю, откуда взялась эта ничтожная личность, он периодически ставит фюреру диагнозы в стиле фрейдовского психоанализа – например, такой: «С сатанинским упорством меченого человека и с ненавистью зачатого в бесчестной постели он ненавидит все, что выросло прямым и здоровым» (с. 221). Автор дневника признается, что с радостью готов был погибнуть, если бы смог своей ненавистью увлечь Гитлера в бездну. Рек-Маллечевен пишет, что осенью 1932 года встретил Гитлера в почти безлюдном ресторане и, имея при себе оружие, мог бы его застрелить:

«Я бы сделал это, если бы осознавал роль этого наглеца и предвидел наши многолетние страдания. В то время я принимал его лишь за героя юмористической газеты и не стал стрелять» (с. 39).

Впрочем, он тут же признает, что это было бы бесполезно в силу некоей высшей предрежденности национального мученичества немцев, а потому не сдерживает своего презрения и к превращенному в аморфную массу «глубинному народу», отказываясь признать в нем нацию. Допуская роль национализма как метафизического центра, придающего народу силу и мощь, он недоумевает, «почему к этому скоплению получателей зарплат, одичавших фельдфебелей и печатающих полудевиц следует обращаться как к нации?» (с. 154). Рек-Маллечевен остро переживает стыд за свой народ, а также свое одиночество среди него:

«Я задыхаюсь от осознания, что нахожусь в плену у орды злобных обезьян, и ломаю голову над вечной загадкой – как народ, который еще несколько лет назад так ревностно охранял свои права, в одночасье погрузился в летаргию, в которой не только терпит господство вчерашних бездельников, но и, какой стыд, уже *неспособен ощутить свой собственный позор как позор*» (с. 32, курсив автора).

Автор со стыдом пишет об «эякуляции воодушевления» (с. 105), о массовом психозе, который охватывал немцев на торжествах с участием фюрера, когда «восторженные женщины глотали гравий, которого касалась его нога» (с. 72–73). А ведь перед ними был всего лишь человек в надвинутой на лоб фуражке, похожий на кондуктора трамвая, с дряблым телом и отечным лицом:

«Никакого сияния, никакого огня и озарения, ниспосланного богом... на лице клеймо сексуальной неполноценности, скрытая злость получеловека, который вымещает гнев, издеваясь над другими. И все же этот упрямый и, в конечном счете, идиотский приветствующий рев... истеричные женщины вокруг, подростки в трансе, целая нация в состоянии духа воюющих дервишей» (с. 106).

Метаморфоза, произошедшая с нацией, настолько чудовищна, что у Рек-Маллечевена нет рационального объяснения этому и потому он прибегает к объяснению эзотерическому и мистическому: «За всеми зверствами и беспрецедентным отрывом, в общем-то, хорошего народа от морали стоит космический процесс, гигантский психоз и освобождение связанной орды демонов» (с. 172). В продолжение этой мысли Никита Елисеев напоминает в своем послесловии, что истовая вера в прогресс, в его мудрую организующую руку ошибочна:

«Кто сказал, что прогресс необратим? Кто сказал, что человечество не может погибнуть? Кто сказал, что человечество не может вернуться во времена варварства и стагнации? Разве такие возможности не должен учитывать думающий человек? Рек-Маллечевен учитывает» (с. 314).

Рек-Маллечевен знал, что за свое безумство немецкому народу придется дорого заплатить, что его неспособен исцелить ни один врач, поскольку такое лечится только «железом и огнем», то есть поражением в войне. Автор книги думал о будущем страны и даже говорил об этом с теми, с кем можно было об этом говорить, хотя в то время участие в любой оппозиционной деятельности было смертельно опасным. Помимо освобождения Германии от «прусской гегемонии», его программа будущего включала несколько существенных пунктов, в частности:

«Немедленное предъявление обвинений в государственной измене всем, кто причастен к зарождению гитлеровского режима, [...] немедленное предъявление обвинений всем генералам, ответственным за продолжение войны» (с. 250).

Это было написано в 1943 году – как свидетельство того, что идея Нюрнбергского процесса над гитлеризмом зародилась в среде немецких интеллектуалов еще до окончания войны.

СЕРГЕЙ ГОГИН

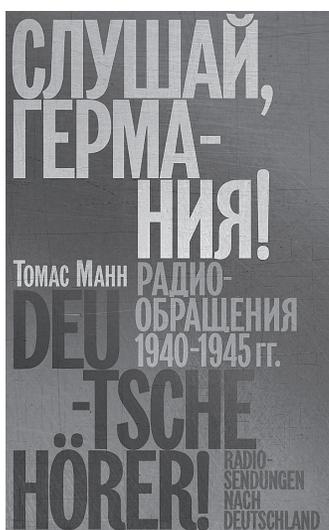
Слушай, Германия! Радиообращения 1940–1945 гг.

ТОМАС МАНН

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2024. – 336 с. – 1500 экз.

Пожалуйста, выберите время,
Выключите радио, отоспитесь
И почувствуйте в себе наличие мозга,
Этой мощной и негибкой системы.

Давид Самойлов. «Свободный стих»

На страницах этой книги, составленной, переведенной и комментированной Игорем Эбаноидзе, классик немецкой (и мировой) литературы Томас Манн предстает в несколько непривычной ипостаси радиоведущего. Причем он не презентует публике свой новый роман, обсуждая его с любезным и остроумным интервьюером; не рассказывает о себе и своих творческих планах; не читает вслух, баюкая (или вгоняя в сон) невидимого визави. Идет Вторая мировая война, и Манн «работает» пропагандистом. Цель его воззваний, транслировавшихся в эфир с 1940-го по 1945 год, – донести до соотечественников-немцев мысль о том, как они нужны своей родной стране, и напомнить им, что имя этой страны не «третий рейх», но Германия.

«ЭТО ЖЕ БРЕД, НЕМЦЫ»

С соотечественниками Манн, мягко говоря, не ласков и совершенно не старается расположить их к себе ни словами сочувствия, ни деликатным намеком на понимание трудностей и противоречий, которыми полнилась краткая история единой Германии и которые в итоге обусловили подъем национал-социализма. В каждом обращении он прямо говорит о при-

частности немцев к преступлениям и зверствам, творимым нацистами: «к слишком ужасным последствиям привели по-датливость, внушаемость, опьяняемость и политическая незрелость нашего народа» (с. 153).

Манн не склонен к нюансированию при определении виновных, не стремится подтолкнуть своих слушателей к осуждению нацизма и созданного им мира, или к более простой (и менее сопряженной с муками совести) операции по возложению вины на нацистскую верхушку и присвоению фюреру еще одного «почетного» звания – козла отпущения.

«Немецкому народу отмщается за его безумие и угар; он должен заплатить за веру в свое преимущественное право на насилие, которое ему внушили его гнусные учителя, – и, к сожалению, это лишь начало расплаты. Нужно ли, немцы, говорить вам, что то, от чего вы сейчас страдаете, идет не от жестокости и brutality других, а проистекает из самого национал-социализма? Он нес в себе это с самого начала, ничего другого выйти из него не могло. Это нужно было увидеть в 1932-м или 1933-м. То, что Германия этого не увидела, пока еще было время, – ее тяжкая вина» (с. 220).

«Единственный опыт, способный привести Германию в чувство, – опыт катастрофического, неоспоримого и очевидного поражения, опыт оккупации и временного лишения государственной самостоятельности, опыт всевозможных превентивных мер, необходимых, чтобы надолго сделать невозможной всякую дальнейшую агрессивность, – этот опыт вас, немцы, не минует» (с. 222).

Нам, читающими эти строки сегодня, нетрудно признать правоту Манна, хотя бы в силу наличествующего представления о ходе истории: всем известно, чем кончилась Вторая мировая война и какая сторона – в моральном и юридическом отношении – ее проиграла. Однако каково было современникам Манна, записывавшего свои обращения в США, слушать откуда-то из-за границы нескончаемые упреки и напоминания о скором возмездии, да еще и делать это украдкой, поскольку режим тщательно следил за содержимым обволакивающего его информационного поля? Этот режим публично сжигал книги, написанные Манном, видя в нем врага немцев и всего подлинно немецкого. Писатель в свою очередь отвечал режиму ненавистью и презрением. Не мог ли Манн способствовать его краху, занимаясь деморализацией соотечественников? Мог, надо думать, однако ничего подобного не делал. Чтобы это предположение подтвердить, обратимся к иным, помимо всемирной вины и неизбежности наказания, лейтмотивам его радиообращений.

«МОЯ ОТЧИЗНА, КТО ТЕБЯ СПАСЕТ?»

При знакомстве с текстами военных радиобращений Манна сложно не заметить, что некоторые идеи воспроизводятся в них в качестве постоянного рефрена: немецкий народ виноват, ему предстоит искупить свою вину, и, главное, искупление возможно; проигрыш в войне не есть гибель Германии, как и Германия не есть национал-социализм; заключение мира с нацистами невозможно, но возможно их уничтожение; будущее настанет – и в нем найдется место для всех, кто разделяет ценности мирного существования и свободы.

Эти мысли переходят из обращения в обращение на протяжении пяти лет, обретая различные словесные формулировки, но при том неизменно оставаясь узнаваемыми. О ходе времени свидетельствуют упоминания крупных сражений, зверств нацистов в разных странах Европы, конференций, определявших конфигурации обязательств союзников. Однако Манн в своих речах не занимается политическим прогнозированием и аналитическими изысканиями, результаты которых помогли бы подтвердить правоту его суждений, не засыпает своих слушателей фактами и цифрами, чтобы позволить им уверовать в неминуемую победу антигитлеровской коалиции и принять прагматическое решение отмежеваться от нацизма, встав на сторону победителей. Немцы, по его мнению, и так проявили чересчур много прагматизма, деловитости и чуждой им политической сметки, не сумев из-за этого продемонстрировать массового неприятия национал-социализма. Если они и были способны разглядеть подлинную природу новой власти, то в целом выказывали готовность мириться с ней и с ее методами при условии, что псевдогероическая кровавая «стряпня на кухне истории» (с. 85), которую эта власть затеяла, в итоге позволит им вкусить мирового господства.

«Чем дольше длится война, тем отчаяннее запутывается этот народ в силках вины, а война продолжается по одной-единственной причине – из-за того, что вам, немцам, кажется, *будто останавливаться уже поздно*. Вы чувствуете: произошло слишком многое, чтобы можно было еще сдать назад, вас охватывает ужас при мысли о расплате и искуплении. Вы должны победить, думается вам, чтобы революция бестиализма распространилась на весь мир и под знаком ее было достигнуто угрюмое согласие между вами и остальным миром. Но такому не дано случиться. Я вижу воочию, что мир полон решимости сделать все возможное, чтобы избежать судьбы, которая может столкнуть его с вашим бестиализмом, и силе вашего отчаяния не одолеть воли трех четвертей человечества... *Очищение* должно прийти изнутри – потому что извне может прийти только месть и наказание, но не очищение. Я всегда возражаю

возражаю тем, кто настаивает на идущем извне принудительном воспитании немецкого народа после того, как падет гитлеризм. Всякое преобразование, отвечаю я им, – *дело самого немецкого народа* и должно оставаться таковым» (с. 136, курсив мой. – Е.З.).

РАЗУМ ПРОТИВ ЧУВСТВА:
ИЗБРАННЫЕ КНИГИ
О ПРАКТИКАХ НАЦИЗМА
И СОПРОТИВЛЕНИЯ ЕМУ

Писатель видит свою задачу в том, чтобы посредством своей пропаганды, которая по идейному содержанию выступает антиподом пропаганды нацистской, избавить соотечественников «от мании немецкого сверхчеловечества» (с. 273). Судя по цитате выше, он верит, что немцы действительно на это способны; однако им нужно увидеть и прочувствовать эту способность, проникнуться ее ценностью. Манн верит в свой народ, но эта вера не имеет эзотерического характера: она коренится не в осознании исключительности немцев как нации, железная воля и единство которой делают для нее посильными даже самые тяжелые решения, но, напротив, в глубоком постижении ее природы и ее слабостей.

Манн верит в свой народ, но эта вера коренится не в осознании исключительности немцев как нации, железная воля и единство которой делают для нее посильными даже самые тяжелые решения, но, напротив, в глубоком постижении ее природы и ее слабостей.

Именно в последних, как в ярчайшем проявлении *человечности*, Манн видит залог возможного успеха своей «воспитательной» работы. Немцы, будучи народом, долгое время не имевшим единого государства, неопытны в делах геополитики, но вместо того, чтобы извлечь из этой неопытности пользу для себя и, не изменяя себе, обогащать свою культуру, они решили примерить на себя чуждую им роль вершителей политических судеб других народов:

«Немецкий народ изменился с тех пор, как на нем лежит проклятие геополитики; он, без всякого преувеличения, стал карикатурой на себя и кошмаром не только для прежде готового восхищаться им мира, но и для самого себя; он, наконец, в наши дни принял на себя беспрецедентное духовное и гражданское бесчестие, а именно: национал-социализм» (с. 52).

Иными словами, ключ к спасению есть, но воспользоваться им должны решить *сами немцы*, развеяв морок нацизма и вновь обретя себя.

«УПОРСТВО, КОТОРОЕ БРУТАЛЬНОСТИ НЕ ПО ЗУБАМ»

Сотворенное Манном полотно, на котором запечатлена логика отказа немца от нацизма, остается незавершенным. Это своего рода коллективное творчество, и последний, решающий штрих, который может либо подчеркнуть, либо перечеркнуть все сказанное Манном, предстоит сделать самим немцам. Стоит обратить на это внимание, поскольку, приглашая соотечественников в соавторы их собственной истории, Манн признает за немцами право на статус, в котором им отказывали нацистские власти: быть людьми, осознающими свою индивидуальность, людьми, неправыми и сомневающимися.

«Что последние [нацисты] всегда обожали, так это создавать новые окончательные реалии. И самой окончательной реальией всегда остается уничтожение» (с. 119).

В то время как «фашизму свойственно воспитывать в людях неверие в значимость индивидуальной позиции, в возможность индивидуального сопротивления» (с. 25), Манн пытается воззвать именно к индивидуальностям немцев, поскольку его писательское знание человеческой природы подсказывает: нацизм противен человеческой природе и не дает ответов на мучающие человека вопросы. Он способен лишь уничтожать поводы для этих вопросов, делая ткань жизни, в том числе и тот ее пласт, который охватывает отношения человека и государства, однообразной и не допускающей поиска смысла.

«Древнегреческий миф повествует о царе Мидасе, который превращал все, к чему прикасался, в золото. В наши дни всем довелось узнать, что бывают прикосновения, мгновенно превращающие все, даже самое благородное, в дерьмо. Такой отвратительной способностью наделен национал-социализм... И что же сделал национал-социализм, этот анти-Мидас, из золота любви к родине? Разумеется, дерьмо» (с. 163–165).

РАЗГОВОР ВНЕ ВРЕМЕНИ

В рецензии затронуты далеко не все вопросы, которые могут возникнуть у читателя, взявшегося за эту книгу. Можно заниматься текстологическим анализом речей Манна, пытаясь проследить, насколько используемые им образы и средства их создания уникальны для этих выступлений или же, напротив, продолжают идеи и художественные формы, знакомые ценителям его творчества. Можно заниматься изучением политической плоскости вопроса отказа от нацизма и видением Манном демократии, о ценности которой он неоднократно напоминает

на страницах этой книги. Можно, оглядываясь на моральные дилеммы сегодняшнего дня, сфокусировать внимание на последней части книги, где в форме писем представлена дискуссия Манна, покинувшего Германию, чтобы остаться немцем, с писателями-соотечественниками, пытавшимися уйти от нацизма во «внутреннюю эмиграцию». Можно думать о том, где проходит линия, разграничивающая здоровый патриотизм и манию национального самовозвеличивания. Можно изучать дихотомии и полифонии смыслов, в контекстах которых трудился Манн: исторический выбор немецкого народа и антиисторичная природа нацизма; бесславная победа и созидательный потенциал поражения; родина и государство, которое будто бы должно выступать ее материальным воплощением; индивидуальность как продолжение традиции – и так далее. Несмотря на то, что совсем скоро исполнится сто лет с того момента, как Манн взялся за работу над этими текстами, он, как настоящий художник, сумел, опираясь на современные ему реалии, приоткрыть нам заложенную в них вневременную суть.

ЕКАТЕРИНА ЗАХАРОВА

РАЗУМ ПРОТИВ ЧУВСТВА:
ИЗБРАННЫЕ КНИГИ
О ПРАКТИКАХ НАЦИЗМА
И СОПРОТИВЛЕНИЯ ЕМУ

